

Марианна Ильинична Ковальская
ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1831 Г. И ФРАНЦИЯ
Французский ежегодник 1975
М.: Наука. 1977. С.244-248

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

30 марта 1833 г. видный русский литератор и общественный деятель А. И. Тургенев гулял по саду виллы Медичи в Риме, где была расположена Французская академия художеств. «В саду на белом мраморе, — записал он в своем дневнике, — нашел следующую надпись карандашом: «Луи Филиппу, королю Франции — смерть и позор! Честная и свободная Италия призывает на голову тирана гнев Божий!»»¹ За что же осыпали итальянцы столь страшными проклятиями «короля-гражданина», получившего французский престол благодаря июльской революции 1830 г., той революции, с которой лучшие люди Италии связывали самые радужные мечты и надежды о переустройстве их родины?

«С того момента, как разразилась революция во Франции, у окружающих ее угнетенных народов... стали возрождаться надежды на свободу... Нет никакого сомнения, что священный огонь тлеет под пеплом, и сегодня этот огонь чувствуется сильнее, чем когда-либо, на всей территории Италии... Июльские дни вызвали у всех мыслящих людей Италии большое и радостное волнение. Теперь думают только о революции, которая опрокинет илюстрированные и национальные тиранические правительства, опустошающие страну», — писал в парижской газете «*La Révolution*» 14 октября 1830 г. Ф. Буонаротти². «Храбрые пьемонтцы! Наступило время возродить Италию!.. Следуйте примеру Франции!» — призывали жителей Пьемонта итальянские политические эмигранты (в листовке, переправленной в Италию из Франции). Заканчивалась эта прокламация словами: «Да здравствует Франция! Да здравствует Италия! Да здравствует свобода!»³ Пример Франции, матери революций, приютившей немало политических эмигрантов из различных стран, вдохновил итальянских заговорщиков, готовившихся к восстанию, на более активные действия. С возгласом «Да здравствует Франция!» началась в первые числа февраля 1831 г. революция в Модене, Парме и Болонье.

Руководители движения в Центральной Италии, как и многие представители либеральной Европы, были уверены, что Франция защитит итальянскую революцию от австрийской интервенции. Основанием для подобных надежд были неоднократные официальные декларации французского правительства в декабре 1830 и январе 1831 г. о поддержке принципа невмешательства во внутренние дела других государств. В тот период верность этому принципу означала для Франции активную его защиту, вплоть до применения оружия. Именно такую позицию заняло, как известно, французское правительство в отношении бельгийской революции. «Скорее война, чем отказ от наших принципов», — заявлял в тот период глава кабинета министров Жак Лаффит⁴. «Надеюсь, что французское правительство вмешается в дела Пьемонта, подобно тому

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (ИРЛИ), ф. 309, д. 14, л. 83 об.

² *Della Perita F. Mazzini e i rivoluzionari italiani*, Milano, 1974, p. 24–25.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1830, д. 263, л. 184 с об. (гр. Воронцов-Дашков — гр. Несельроде, Турин, 27 августа (8 сентября) 1830 г.

⁴ *Laffitte G. Le Roi et moi* — «*Revue des deux mondes*», 1 février 1831, p. 540.

как оно это сделало с Нидерландами, заявив, что не допустит вторжения на их территорию пруссаков», — писал итальянский эмигрант Ф. Тadini 16 сентября из Парижа другому видному деятелю итальянской эмиграции Де Меестеру⁵. Сисмонди, с нетерпением ожидавший начала итальянской революции, не сомневался в том, «что французские войска перейдут Альпы, чтобы поддержать итальянцев»⁶.

Вести о начавшейся в Центральной Италии революции были восторженно встречены демократическими кругами Франции. Оппозиционные газеты восхищались «молодежью Романьи», действующей с энтузиазмом и энергией. «Можно сказать, — отмечала «Le National» 21 февраля, — что население этой провинции поднялось, как один человек»⁷. В этом, как и многих других подобных утверждениях, передко желаемое выдавалось авторами за действительное. По-видимому, здесь сыграли роль как недостаточные надежные и верные источники информации, так и чрезмерное романтически восторженное восприятие вестей из Италии, лишенное необходимой дозы реализма и скептицизма. Тот же номер газеты давал информацию, весьма далекую от действительного положения дел, сообщая, например, что национальное знамя развевается над всем итальянским побережьем и что в Генуе армия братается с народом⁸. Газеты не раз писали, что падение Савойской монархии неотвратимо, тогда как на деле в Пьемонте в тот период царил относительно затишье.

Подобные настроения были присущи и итальянским эмигрантам во Франции, тесно связанным с французскими демократами (возможно, что именно в их среде надо искать первоисточники этих настроений). Сразу по получении известий о восстаниях в Италии лионский эмигрантский комитет начал готовить экспедицию для вторжения в Пьемонт через Савойю, причем среди организаторов экспедиции господствовало убеждение, что «достаточно четырех солдат во главе с капралом и трехцветного знамени с лозунгом «Независимость!», чтобы этот клич был подхвачен повсюду — от Турина до Палермо»⁹.

Отношение властей к подготовке экспедиции (в которой наряду с эмигрантами должны были участвовать деятели французского демократического движения и многие жители Лиона, прежде всего рабочие) явилось красноречивой демонстрацией быстрой эволюции внешнеполитической позиции Франции. Если на первых порах это отношение было вполне терпимым и даже благосклонным, то 24 февраля, в момент, когда сформированный отряд из эмигрантов и французских добровольцев должен был отправиться из Лиона в Савойю, он был задержан полицией. Большая группа итальянцев была выслана из Лиона в Марсель, где несколько человек было арестовано. Оппозиционная пресса немедленно прореагировала на эти акты, обвинив правительство в предательстве. Общество «Aide-toi, le Ciel t'aidera» («Помоги себе сам, тогда и небеса тебе помогут») объявило подписку в пользу итальянских эмигрантов, выступив со следующей декларацией: «Если мы не поможем делу итальянской свободы, то тем самым, по нашему убеждению, мы предадим Францию...»¹⁰

Между тем по просьбе государей Модены, Пармы и папского правительства Австрия готовилась начать интервенцию в Италию — невзирая на весьма туманные угрозы, переданные в связи с этим французским послом в Вене Мэзоном Меттерниху. Умело припугнув Луи Филиппа действиями французских бонапартистов, Меттерних легко сумел добиться

⁵ *Saitta A. F. Buonarroti, vol. I. Roma, 1950, p. 175.*

⁶ *Gallante-Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837) Torino, 1951, p. 159.*

⁷ *Mastellone S. Mazzini e la «Giovine Italia», vol. I. Pisa, 1960, p. 34.*

⁸ *Ibid., p. 35.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibid., p. 36.*

того, что король Франции занял в отношении австрийских действий весьма благожелательную позицию. Это соответствовало, впрочем, настроениям господствовавшей в стране верхушки крупной буржуазии, стремившейся в мирной обстановке укрепить свою власть.

26 февраля министр иностранных дел Франции Себастиани сообщил Мэзону, что Франция не будет противодействовать австрийской интервенции. Лаффит, не предупрежденный заранее об этом решении МИД, в знак протеста подал в отставку. Его место занял Казимир Перье, заявивший в палате о том, что «мы не признаем ни за каким народом права принуждать нас к борьбе за его дело, кровь французов принадлежит только Франции»¹¹.

Формальные ноты протеста, направленные Францией спустя некоторое время в Вену и Рим в связи с австрийской интервенцией в Папское государство, не могли ничего изменить, да и не были рассчитаны на какой-либо эффект, поскольку они были вручены в то время, когда все восставшие провинции уже были оккупированы. Их целью было лишь несколько ослабить бурный протест оппозиции в палате, вызванный открытым переходом французского правительства к политике соглашательства. Среди множества крайне резких выступлений, суть которых сводилась к тому, что вследствие предательства дела итальянской независимости Франция поставила под сомнение собственную честь, как скорбный и грозный марш прозвучали слова генерала Ламарка о горькой судьбе итальянцев, оказавшихся в страшных австрийских тюрьмах, «вдали от родины, которую мы помогли им потерять. Итальянские патриоты проклинают нас, и проклятья эти раздаются с небес!»¹²

В оппозиционных газетах публиковались письма из Центральной Италии, клеймившие предательство французских правителей. Так, в письме из Болоньи говорилось: «О Франция! Как ты коварна и жестока! Ты позволила погибнуть всем твоим друзьям... Несчастливая Италия! Мы думали, было, что лучи солнца июля дойдут и до нее. Но мы были преданы! Преданы народами и королями!»¹³ В 1831 г. — во время и сразу после революционных событий — Стендалю довелось проехать через значительную часть Апеннинского полуострова из Триеста, где он был французским консулом до конца 1830 г., в Чивита-Веккию, куда он получил новое назначение. В своих официальных донесениях он многократно сообщал, что повсюду в Италии единодушно осуждают Францию за ее предательскую политику¹⁴.

Неизменно доброжелательная и активно сочувствовавшая освободительной борьбе итальянцев оппозиционная печать Франции продолжала освещать ход движения до самого его последнего дня. Дань глубокого восхищения была отдана генералу Цукки с его отрядом, оказавшим 25 марта упорное сопротивление превосходящим силам врага на подступах к городу Римини. «Они умерли, как герои...»¹⁵, — читаем в газете «Le National» от 4 мая 1831 г.

Спустя неделю на страницах той же газеты вновь появилась статья, посвященная битве при Римини, тональность которой была чрезвычайно близка к первой. Она принадлежала перу только что появившегося во Франции и мало кому известного итальянского изгнанника Джузеппе Мадзини. Называлась она «Одна ночь у Римини в 1831 г.» По этой работе, написанной с примесью широко распространенной тогда в итальянской литературе и журналистике риторики, можно проследить, как, отталкиваясь от конкретных фактов, Мадзини начинал вынашивать идею

¹¹ Канделоро Дж. История современной Италии, т. 2. М., 1961, с. 226.

¹² Mastellone S. Op. cit., p. 37.

¹³ Ibid., p. 38.

¹⁴ Farges L. Stendhal diplomate. Rome et l'Italie de 1829 à 1842 d'après sa correspondance officielle inédite. Paris, 1892, p. 49, 51, 136, 196.

¹⁵ Mastellone S. Op. cit., p. 39.

итальянской инициативы, ставшую вскоре одной из ведущих линий его программы. Мадзини славит юношей, пожертвовавших жизнью во имя счастья родины, которые шли в бой, надеясь, что «за ними — Свобода, Бог и Франция. Франция! Она отступает от вас, отрекается от своих обещаний... Ах! Это уже не та Франция, которая была солидарна со всеми свободолюбивыми народами Европы, которая была готова защищать вас от любой иностранной агрессии... — Помощь Франции! Обманутые бедняги!... Бездействие, неодобрение, запрещение вашим соотечественникам отправиться к вам на помощь — вот помощь Франции! Вперед! Вперед! Перед вами — варвары, а французы далеко. Вы одиноки, покинуты, преданы, проданы»¹⁶.

Наиболее дальновидные представители радикальных кругов итальянского движения хорошо понимали, какая глубокая пропасть была между отношением к итальянским проблемам «развращенных и корыстных людей» из правящей верхушки, с одной стороны, и деятелей французской оппозиции — с другой. Именно об этом шла речь в анонимной статье «Парижская революция», опубликованной в 1832 г. в № 2 журнала Мадзини «*Giovine Italia*». В палате депутатов, отмечалось в ней, оппозиция «твердо противостояла той системе, которой хотело придерживаться правительство. Она не могла игнорировать общественное мнение. Периодическая печать никогда не молчала... Рискуя своими материальными интересами и собственным благосостоянием, она предала гласности секреты и вела непрестанную борьбу с врагами народа».

Предательская линия французского правительства в отношении Италии в значительной мере решила судьбу революции 1831 г. Однако уроки этой революции, разумеется, не исчерпываются подобным выводом. Поражение революционного движения в Центральной Италии прежде всего было предопределено коренными слабостями всего итальянского освободительного движения той эпохи, среди которых одной из самых существенных была слабость руководства. Крайне умеренное по своим политическим взглядам, оно было инертным и нерешительным в своей практической деятельности. Слепо поклоняясь принципу невмешательства, эти руководители уповали на помощь Франции и очень мало сделали для организации обороны восставших провинций. Однако уже в ходе движения некоторые наиболее радикальные его участники выступили с критикой позиции руководства. Так, еще в конце февраля газета «*Monitore modenese*» писала: «Сегодня речь идет не о том, чтобы быть сторонниками французов или сторонниками австрийцев; речь идет о том, чтобы быть итальянцами, чтобы иметь единую родину»¹⁷. Еще определеннее звучали предсмертные слова Чиро Менотти, руководившего подготовкой революции, арестованного накануне восстания и казненного в Модене в конце мая 1831 г.: «Я чего-то ожидал от Франции. Моя смерть научит итальянцев ненавидеть иностранную интервенцию. Они запомнят, что должны полагаться на силу собственных рук»¹⁸.

Аретинец Джузеппе Герарди, отправившийся в 1831 г. в Болонью, чтобы участвовать в революции, после ее поражения издал в том же 1831 г. брошюру, посвященную этим событиям. В ней он осуждает французское правительство, которое провозгласило принцип невмешательства, но не придерживалось его на деле. Вместе с тем революция в Центральной Италии показала, отмечает Герарди, что «нельзя связывать судьбы народа, стремящегося к освобождению, с игрой дипломатии, которая в наше время более чем когда-либо является искусством лжи и предательства»¹⁹.

¹⁶ *Mazzini G. Scritti editi ed inediti*, vol. 2. Imola, 1907, p. 5—7.

¹⁷ *Della Peruta F. Op. cit.*, p. 58.

¹⁸ *Mastellone S. Op. cit.*, p. 90.

¹⁹ *Saitta A. F. Op. cit.*, p. 199.

В статье «1831 год», появившейся в № 1 журнала «La Giovine Italia» (за подписью Мон...), речь также шла о значении и уроках итальянской революции. «...Если Италия станет единой, она не будет рабой иностранцев... Если мы объединимся, у нас хватит сил. Мы не должны забывать завет, оставленный нам умирающим Менотти: не рассчитывать на помощь иностранцев, верить только в свои силы...»

«Одна ночь у Римини» была для Дж. Мадзини первой ступенькой в постижении опыта революции 1831 г. Дальнейшее его освоение привело создателя «Молодой Италии» к выработке программы демократического общенационального движения. Мысль о том, что нельзя надеяться на иностранную помощь, что «Италия справится сама», — одна из центральных идей этой программы.

Материалы о Рисорджименто:

Феличе Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей Г.Сандомирского)

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.

М.Ковальская. Итальянская революция 1831 г. и Франция

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство.

От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.

В.Невлер. К истории воссоединения Италии

М.Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение

К.Кирова. Французские революции (1789-1848 гг.)

и итальянские умеренные либералы (1830-1860 гг.)

К.Кирова. Концепции итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831-1833 гг. Первый период «Молодой Италии»)

К.Кирова. Социально-политические взгляды Дж.Гарибальди

Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто

Дж.Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера

Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.

В.Невлер. Н.А.Добролюбов и борьба за воссоединение Италии

И.Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в. Эпоха Рисорджименто

см. соответствующий тэг в нашем сообществе

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=3337656>

подборки текстов

о Мадзини <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#madz>

о Гарибальди <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb>